

**Шепелева Евгения Егоровна, 1930 г.р., с. Бугаевка, Луганской области.
В Крыму примерно с 1950-х гг.**

**Интервью записано 8.08.2006 с. Восход Красногвардейский район АР Крым.
Собиратели: Жук Тамара и Кушнир Елена.**

И: Шепелева Евгения Егоровна 30-го года рождения, 17 октября. В войну мне сколько было? В 41 началась война – значить это, мне было одиннадцатый год, и вот...

С: Где вы жили когда родились?

И: Луганская область, село Бугаевка, есть такое, там церковь, большая красивая церковь и вот нас всех – вечером немцы прибыли, а ночью кто-то убил немца, и нас увсех, все село согнали до церкви, в чем кто стоял, за 4 километра выгнали. Ну кто, у кого до людей притулился так и жили, а нас было пятеро детей и мама беременна была, и все в подвале осталось, вся закатка, кушать ничего ж, в чем стояли, даже одежды не было и там нас... мы там жили до самой весны, мама беременна и я в то время, там с одной стороны скала, высокая-высокая, а сюда вот такой ров, а с этой стороны отак огороды и наверху там стояли немцы, а мы крадемся за четыре километра с мамой, чтобы взять харчей у подвале и мама как наклонилась в бочку и вот этому своему мальчику, он и сейчас живой, 43 года мальчик, подавила усю ножку, вона вся черная такая, он инвалид, он сейчас сидит отак – перейдет на двух палочках и сидит, ну и вот ходили, брали, а тогда весной нас пустили. И он у мае родился, это было, я не знаю как вам это рассказать, ну тада ж были немцы, это у мае месяце. Нас мама никуда не выпускала со двора, у дворе были, когда нас вернули домой, то у нас хотя была на двоих, через коидор – одна комната, вторая комната. Так у первой комнате стояли четыре немца, а у задней комнате стояли три немца, нас пустили в сарай, потом нас из сарая выгнали у подвал, потому шо у сарай поставили лошадей, вот у первой комнате стояли четыре немца, ну их считали шо это хорошие немцы, а нас было шесть, пять человек, представьте, 29 года сама старшая была, я глухая была и вот что получается, вот приходят там у комнате шо то делают, на лавочку, лавочка там была, на лавочку то кусочок хлеба бросят, то мыла кусочок, то конфетку, а нам же кушать-то хочется, бежим, мама, там конфетка лежить, мама, там мыла кусочок. Не трогайте ничего, не берите, если вам дадут у руки – берите, так не берите. Со двора нас не выпускали и вот был такой случай, а в передней комнате стояли, мы считали, шо там хорошие, там Гера был, высокий такой, я их запомнила, Паульс – это был плохой, а Гера хороший, потому шо Гера, то кусочок хлеба дасть, то конфетку нам дасть, то хлеба намажет икрой. И маме приходится вже рожать, у подвале, этот Гера пошел привел немецкого врача, как он ее спас, шо мама осталась жива и этот ее сын живой остался, но ножка вот эта вся черная, он болел долго, он не ходил, года четыре лазил, повзал, ну отак сидел ножки в його не работали, у больнице сколько лежали с ним, но, факт то шо я за тот случай расскажу, когда вот эта война, что она мне дала, я до сих пор как на войне, мне война и сейчас война, ой господи. В одно прекрасное время погода была пасмурно и как мжичка вот. Такая, ну как сказать? Дрожь какая-то, ну дождик, маленький-меленький и вот часов наверное так у девять приходит три человека немцев, начальник, сосед и переводчик, пришли до подвала, а подвал глубокий такой, заглянули – выходите сюда, мы вышли, а мама когда родила, то попросила Геру, шоб кладовочка там была, маму туда поселил, дал кусочок мами хлеба, тот Гера, он говорить, я не виноватый, нас заставляють шоб мы воевали, у меня в самой, показывает отак детей много, ему было жалко нас, ну и вот значить – усе вышли, нет не все. А хто йще? Мама есть у нас. Давайте маму. Привели маму, поставили, мама с этой лялькой же с малой, стоим возле подвала, быстро они нас как солдат, и этот начальник крычить на переводчика, а переводчик крычить на нас. Вот этого немца, в соседа, кто-то залез в окно, взял часы, полбулки хлеба и килограмм конфет, а в нас же 34 был брат и вот он на того брата, шо это он взял. А мама говорить, если

пойдете у подвал – идите, найдете хоть немецкую нитку – можете делать что хотите. Пошли перерыли все в подвале – ничего не нашли. Выходит этот переводчик, начальник кричит на переводчика, если за 24 часа не доставите пропажу, значит вас утром или расстрел будет, или высылка в Германию, представьте. И стоим мы не живые, не мертвые. Мама говорит, шо у меня есть кусок хлеба – принесите, он говорит – это не мой хлеб, тот сосед. Ну й вот стоим, а немцев никого дома нету, вот мама и говорить, они пошли – ото сказали й пошли, а мама й говорит: ну ели с первой комнаты защитят за нас, а с задней комнаты нас не защитят. Такой был он, такой противный, такой маленький такой росточком, ну взгляд его был страшный такой, ага. Вот приходят, только они во двор прошли, двор длинный такой, прошли во двор и появились эти четыре, под козырек, отчеркотали что-то и ушли в комнату, через время приходят эти трое, тоже под козырек отчеркотали и тоже пошли в комнату, вот, те значит, немец теперь и начальник ушли, а переводчик вернулся к нам и говорить мамаша, если б не ваши немцы вам бы утром был всем расстрел. Как ты думаешь вот это можно это как-то пережить, и вот это война, вот это шас молодежь, они не понимают, шо такое шо то бухают ото, стреляють, а как они там уже стреляють я не знаю, ну вот как, я их не вижу когда они стреляють, ну у меня в середке как это бухнуло – ой! Верьте – не верьте – оторвалося в середке, до того больно, не могу, до того больно. Это осталося как бы очаг войны. Это я шо за себя могу сказать, я вже, мне вже 76 лет, вот в октябре, а я до сих пор как стреляють, так у меня в глазах вот это вся война. Как мы балкой кралися, а снега было по пояс, идешь, а души нету, потому шо у верху стоят немцы, патрули стоять, что можно ждать - а вдруг увидят, а мы балкой крались, вот шо у меня там осталося, там все тленное, не живое, что я не знаю, как еще, что рассказать. Это такое было

С: А вы видели или может слышали, были ли расстрелы среди мирного населения?

И: Ой! Вы знаете, ходили, вот так стучат – откроешь, заходят, кто им нравится, кто кого взяли и поели безвозвратно. И там отой балкой, шо мы кралися, они вот так делали – приводят мирное население, лопаты, выкопали яму поставили перед ямой и в яму все й попадали, отакое дело.

С: А расстреливали всех подряд или людей каких-то отдельных национальностей?

И: Ну я тада, какая я була, ну шо меня, вот 11-13 лет и при том я была глухая. Ну расстреливали, делали так. Многих постреляли в деревнях, вона, кого не стреляли не знаю.

С: А когда вы уже после войны приехали сюда, что здесь было, как здесь было?

И: А здесь я жила за Керчою в деревне, 45 километров от Керчи Заветное там есть такое. Ну там был совхоз хороший, миллионер...

С: Как называлось село?

И: Заветное, Заветное. Там психбольница, я в психбольнице 8 лет проработала.

С: А кем?

И: Санитаркою. А за что было учиться, нас осталось шестеро, отца, когда немцы, еще не было немцев на войну брали, папу не взяли, в него раны на ногах были, я тогда не понимала шов оно, теперь у меня вот рана на ноге, то я знаю шо это такое, вот под кожу лезет червяк, вот представляешь развергаеть так, криком кричи, или рвет как собака кусаеть а ногу. Такое надо терпение, это сердце разрывается а терпеть надо. Оп и на двоих ногах была. Но когда еще немцев не было папу не взяли на фронт, а после немцев, как наши вернулись – забрали папу. И он погиб, погиб без вести, так пишут, потому шо его не нашли, а там из другого села был человек и видел как папа потопал когда форсировали Одру, Одр сфорсировали и он 26-го кажись февраля прислал письмо, шо пишем на камнях, но надеемся, шо скоро будем писать на столах у Берлине, а на другой день извещение погиб без вести. Этот человек видел как его ранило и как он потопал. Во так, во так...

С: А мама ваша чем занималась?

И: А мама моя была сердечница – сердце в нее большое было, еще й бабушка была старенькая такая и было вот так: после войны ж уже это й немцев не было й наших не было й папы вже не было, наварят там, ну давали какую-то помощь какую-то, пай какой-то давали, мама все ходила получала. Ото наварить ведерное, кастрюлю или шо там, а мыска булла вот такая ложки всем положить, за стол все садимся и токо ложки опустили у мыску, а мама и посунулась под стол - сердце у нее не выдерживало, кормить-то надо, нечем кормить. А нас было много. Вот такое, девочки. А теперь что, я же не участник, у нас там, там где я жила, шахты, уголь добывают. Там колхозов не было, совхозов не было, земель так не занимались, а вот так. Ну я и росла, глухая и все, больше ничего.

С: А как вы приехали, вот?

И: Куда?

С: А где вы сейчас проживаете?

И: А шас я проживаю здесь на у Восходе. Я квартиру здесь получила.

С: Почему вы сюда приехали? Почему?

И: По семейным обстоятельствам я приехала, по семейным. Там де я жила в Заветном, там сначала, как я туда приехала так была вода, я жила. Я жила город Ростов, Ростовской области, могу сказать даже, я так жалела и плакала, шо я оттуда уехала, но по семейны обстоятельствам надо было выехать, у дочки было несчастье такое, свекруха разбила, осталася с дитем, а я за другого вйшла замуж, а он не хотел шоб было дите и дите выгонял и меня выгонял, а потом совсем взял выгнал, с другими сгулялся и меня выгнал и надо было уезжать и вот уехали. Уехали и приехали вот у Заветное, я по всем Советскому Союзу ездила, искала где притулиться, дите маленькое на руках, все время болело, то понос, то вот как ото, ну вот простуда какая-то детская... воспаление легких все в нем было. И мне дите так было жалко, а потом, это же ж я с ним жила, сказал, шо я с тобой жить не буду, убирайся со своей дочкой, своей внучкой. А мне нечего было делать – собрала вещи, сказали шо у городи жила, у Бердянске можно прописаться, ну я вещи собрала и поехала, а в Бердянске разве в таких местах есть прописка в то время, а? А ты меня прости, так я с этой внучкой, сумка вот такая, одеяло теплое, то было 25-26 августа как раз перед самым сентябрем...

С: В каком году?

И: Это было, ну у 79 году, в конце. В 80-м я вже на роботу пошла там у Заветном. Та вот я ж говорю, по всем Советскому Союзу – глянуть шо дите на руке, ни квартиры нету, ничего. Не пускали даже переночевать, а мы на вокзале ночевали. И вы знаете вот так, пока вот, жили в Азове – она болела, выехали с Азова – ни поноса не стало, не стало ни болеть. Стала здоровая и вот сюда приехали, в Заветном жили. Она такая девочка хорошая.

С: А во время войны вы находились все время в селе вот...

И: Да-да в Бугаевке во время войны. Там я и замуж вйшла, в Бугаевке там все. Там она и родилась и потом бегом с семьей в Заветное, вот тама в Селезневке там. Бугаевка, Селезневка, за 7 километров, там села такие. Так шо не знаю, больше в меня нечего сказать. А учиться, я хотела учиться, кончила 7 классов – мама, я хочу учиться, а за что учиться? Ну, поступай. Поступила, хотела быть воспитателем у садику, детворою заниматься, ну поступила я приняли меня, все. Я две или три недели приеду, сумку возьму, а училась в Луганске, сумку возьму, мама десятку дасть, положит огурцов, помидор там у сумку. А тогда тарелка борща стоила 10 гривнов, тада рубли были, не гривны, вот, за две недели поучилася...

С: Да тяжелая жизнь...